

УДК 82-3+821.161.1

ББК 83.3 (70)+83.3(2РОС=РУС)

DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-116-127

Анастасия Глагощук

**«Бог на земле»: мексиканская рецепция
«Записок из подполья»**

Anastasia Gladoshchuk

**“God on Earth”: a Mexican Reception
of the *Notes from the Underground***

Об авторе: Анастасия Валерьевна Глагощук, кандидат филологических наук, член редколлегии журнала «Иностранная литература» (Москва).

E-mail: appletart@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются два рассказа из сборника мексиканского писателя Хосе Ревуэльтаса (1914–1976) «Бог на земле» (1944) в перспективе, открываемой единственным на протяжении всей книги эпиграфом, являющимся цитатой из IX главы первой части «Записок из подполья»: «А между тем я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется». Доказывается, что Достоевского Ревуэльтас воспринимал не напрямую, а через статью Л. Шестова «Преодоление самоочевидностей» (1921). Образую концептуальную рамку, первый («Бог на земле») и последний («Какова же тьма?») рассказы, действие которых отнесено ко временам восстания «кристерос», конфликта между церковью и государством, развивают мотивы «подземного голоса» и «второго видения», выведенные Шестовым из повести. Замыкая Бога, чей «голос» есть «не свой голос» подпольного человека, в пространстве «земли», Ревуэльтас доводит ситуацию «подполья» до крайней точки безысходности, где возможны только «страдание», «разрушение» и «хаос», где «благоденствие» отрицается «капризом». В его интерпретации каждый смертный, колеблясь между «зверем» и «богом», оказывается в положении «подпольного», что согласуется с трактовкой «подполья» как платоновской пещеры у Шестова.

Ключевые слова: Хосе Ревуэльтас, Лев Шестов, «Преодоление самоочевидностей», «Бог на земле», «Записки из подполья», рецепция, кристерос, хронотоп, «голос из подполья», «второе видение», «каприз».

Для цитирования: Гладощук А.В. «Бог на земле»: мексиканская рецепция «Записок из подполья» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2020. № 2(10). С. 116-127.

DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-116-127

About the author: Anastasia V. Gladoshchuk, PhD in Philological Sciences, Member of the Editorial board of the magazine *Inostrannaya literatura* [Foreign literature] (Moscow).

E-mail: appletart@mail.ru

Abstract: The paper focuses on two short stories from the collection “God on Earth” (1944) by the Mexican author José Revueltas (1914–1976). The texts are analysed in the perspective suggested by the only epigraph which is a citation from the IX chapter of the first part of *Notes from the Underground*: “And yet I think man will never renounce real suffering, that is, destruction and chaos”. It is being argued that Revueltas didn’t read Dostoevsky directly but through Lev Shestov’s essay “The Conquest of the Self-Evident” (1921). Forming a conceptual mark, the first (“God on Earth”) and the last (“How great is the darkness?”) stories, whose action takes place at the time of the “cristeros” revolt, develop the motifs of the “underground voice” and the “second vision”, which Shestov deduced from Dostoevsky’s novel. Enclosing God, whose voice is “not one’s one voice” of the underground man, in the realm of “earth”, Revueltas brings the state of the “underground” to the last point of despair, where only “suffering”, “destruction” and “chaos” become possible, where “well-being” is denied by “caprice”. In the world Revueltas creates every mortal, turning alternately into “beast” or “god”, finds himself in the “underground”, in accordance with Shestov’s interpretation of the “underground” as Plato’s Cave.

Key words: José Revueltas, León Chestov, Lev Shestov, “The Conquest of the Self-Evident”, “God on Earth”, *Notes from the Underground*, reception, cristeros, chronotope, “underground voice”, “second vision”, “caprice”.

For citation: Gladoshchuk A.V. “God on Earth”: a Mexican Reception of the *Notes from the Underground*. *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, 2020, No. 2(10), pp. 116-127.

DOI 10.22455/2619-0311-2020-2-116-127

В 1923 году, вслед за «Подпольным духом» (1886) Ильи Гальперина-Каминского и Шарля Мориса и «Русским романом» (1886) Эжена Мельхиора де Воюэ парижское издательство «Plon» выпускает книгу Льва Шестова «Откровения смерти: Достоевский и Толстой» [Shestov, 1923], объединившую два объемных эссе в переводе Бориса Шлёцера: «Преодоление самоочевидностей (К столетию рождения Ф.М. Достоевского)» и «На Страшном суде (Последние произведения Л.Н. Толстого)». В истории рецепции «Записок из подполья» юбилейная статья, принесшая философу

мировую известность, сыграла важную роль, поскольку в ней был представлен развернутый анализ повести как текста, питающего все последующие произведения Достоевского. Важно также иметь в виду, что статья способствовала вхождению в литературный обиход еще одного варианта интерпретации заглавия, который спустя три года будет закреплен в новом переводе «Записок», подготовленном тем же Шлёцером – «Голос из подполья» или, буквально, «Подземный голос» (*La voix souterraine*). Не являясь лейтмотивом анализа, аудиальная метафора неразрывно связана с идеей двойного зрения: по мысли Шестова, «у подпольного человека не свой голос, как и глаза у него не свои» [Шестов, 1993, с. 43; Chestov, 1938, p. 36], «Записки» – проекция «второго видения», «новых глаз», дарованных Достоевскому «ангелом смерти», который явился ему совершенно неожиданно, когда позади были и неисполненный приговор, и каторга, как до него он посетил Еврипида, Платона, Гоголя, навсегда отделив их от пресыщенного правилами и идеалами «всемства», лишив их веры в те «самоочевидности», что подменяют истину «законом» и «достоверностью». В латиноамериканском контексте, где рефлексией о подлинности затронут каждый творческий акт, а переживание смерти как жизни и жизни как смерти является не уделом избранных (поэтов и философов), а свойством повседневности, выявленная Шестовым проблематика получает особый резонанс, примером чего может служить творчество мексиканца Хосе Ревуэльтаса (1914–1976), чей жизненный и писательский опыт во многом близок опыту Ф.М. Достоевского.

С юных лет посвятив себя революционной деятельности в рядах коммунистического движения, Ревуэльтас неоднократно подвергался преследованиям и тюремному заключению: попав в пятнадцать лет в исправительную колонию, в восемнадцать он уже побывал на каторге на островах Мариас в Тихом океане, где ему придется встретить и свое двадцатилетие. Именно эти события стали предметом художественной рефлексии в его первых произведениях: рассказе (задумывавшемся как начало романа, рукопись которого была впоследствии утрачена) «Надрыв» (*El quebranto*, 1938)¹ и повести «Стены из воды» (*Los muros de agua*, 1941), работа над которыми

¹ Рассказ был впервые напечатан в журнале «Тальер» (Т. 1, № 2, апрель 1939 г.) и впоследствии включен в сборник «Бог на земле» (1944). Представляется знаменательным, что в машинописном оригинале рассказ носит заглавие «Земля» (*La tierra*), поскольку мотив земли является важным аспектом рецепции Ревуэльтасом повести Достоевского.

пришлась на то самое время, когда Ревуэльтас открывает для себя Достоевского, как «напрямую» (насколько то позволяли переводы), так и в интерпретации Шестова.

Благодаря дружбе Викторией Окампо, учредившей легендарный журнал «Сур», с учеником Шестова Бенжаменом Фонданом тексты философа были хорошо известны в Новом Свете². В 1938 г., уже через год после парижской публикации, на страницах журнала печатается статья «О “перерождении убеждений” у Достоевского» (Sobre “la transformación de las convicciones” en Dostoievsky), вслед за которой, в переводе с французского, отдельным изданием выйдут «Откровения смерти» [Chestov, 1938]. Книга вызвала большой интерес в Мексике, о чем свидетельствуют появившиеся вскоре после публикации рецензии: в мае 1939 г. в журнале «Тальер» (Taller) Альберто Кинтеро Альварес печатает заметку «Поэт Лев Шестов»³ (El poeta León Chestov) [Quintero Álvarez, 1981, p. 227-229], а в сентябре в газете «Эль популар» появилась статья Ревуэльтаса «Об одной книге Шестова: искусство и очевидности» (Sobre un libro de Chestov: el arte y las evidencias) [Revueltas, 1986, p. 195-197]. Из этих двух текстов следует, что молодое поколение мексиканских литераторов, к которому принадлежал и Октавио Пас, родившийся с Ревуэльтасом в один год, видело в Шестове «антифилософа», идеолога свободного творчества, а Достоевский воспринимался ими, соответственно, как бунтарь, «разрушитель порядка», «сообщник хаоса» [Revueltas, 1986, p. 197], связанный узами духовного родства с романтиками и «проклятыми поэтами», творчество которых еще не было в полном объеме освоено латиноамериканской культурой. Важно иметь в виду, что в июле 1939 года в журнале «Тальер», по настоянию Паса, был опубликован первый полный перевод «Поры в аду» А. Рембо. Показательно, что имя Рембо возникает и в рецензии Ревуэльтаса: говоря о тех, кто смотрел на жизнь глазами смерти и боролся с очевидностями, писатель называет, помимо Рембо, Э.А. По, У. Уитмена и Дж. Китса – в одном ряду с Достоевским.

² Позднее Гильермо де Торре посвятит отдельные небольшие главы Фондану («Оперивший время: Бенжамен Фондан») и Достоевскому («Достоевский и подпольный человек») в разделе «Экзистенциализм» книги «История литератур авангарда» (1965). Заглавие повести переводится в ней как «Memorias desde el subterráneo», «подпольный человек», соответственно – «el hombre del subterráneo» [Torre, 1971, p. 33-34, 78-81].

³ Октавио Пас, бывший одним из руководителей журнала, впоследствии назовет этот текст среди тех, в которых лучше всего проявился характер его поколения [Paz, 2006, p.97].

Уже через два месяца после рецензии Ревуэльтас публикует в «Эль популар» статью «Противоречия гения: Достоевский – реакционер» (*Contradicciones de un genio: Dostoievski reaccionario*, 16 ноября 1939 года) [Revueltas, 1986, p. 214-217], в которой пытается ответить на ставивший его в тупик вопрос об отношении Достоевского к социализму и несоответствии проповедуемой им «религии страдания» идее христианского милосердия и грядущего счастья человечества. Заметим, что свои рассуждения Ревуэльтас подкрепляет отсылками к романам «Бесы» и «Преступление и наказание», а также к письмам Достоевского жене⁴ – «Записки» же не упоминаются ни разу. Искать эхо повести следует в первом сборнике рассказов писателя, начало работы над которыми совпадает по времени с названными статьями – «Бог на земле» (*Dios en la tierra*, 1944).

Первому рассказу, который дал название всему сборнику, в качестве эпиграфа предпослано следующее суждение подпольного человека: «...y, sin embargo, estoy seguro de que el hombre nunca renunciará al verdadero sufrimiento; es decir, a la destrucción y al caos» [Revueltas, 2006, p. 11] – «А между тем, я уверен, что человек от настоящего страдания, то есть от разрушения и хаоса, никогда не откажется» [Достоевский, 1971–1990, т. 5 с. 119]. Вероятнее всего, эта цитата была взята Ревуэльтасом из книги Шестова, поскольку текстуально они совпадают во всем, кроме порядка слов «renunciará» и «nunca»⁵ [Chestov, 1938, p. 56], в то время как в опубликованной через пять лет статье «О религиозном у Толстого и Достоевского» (*Sobre lo religioso en Tolstoi y Dostoyevski*, 1946) та же фраза будет процитирована в другом переводе, а именно Рафаэля Кансиноса Ассенса: «Sin embargo, seguro estoy de que el hombre no dejará nunca de amar el verdadero sufrimiento, la destrucción y el caos» [Revueltas, 1986, p. 225; Dostoyevski, 1953, p. 1486]. Это обстоятельство дает нам право предположить, что на момент написания рассказа Ревуэльтас имел только опосредованное интерпретацией Шестова представление о «Записках».

Ввиду совпадения заглавий эпиграф и стоящие за ним контексты могут быть спроецированы на всю книгу. В данной работе мы попытаемся проследить за тем, как реализуется концепт «подполья», а также мотивы голоса и зрения в первом и последнем рассказах

⁴ Первое издание этой переписки увидело свет в Барселоне в 1937 году [Cartas, 1937].

⁵ «Y, sin embargo, estoy seguro de que el hombre no renunciará nunca al verdadero sufrimiento, es decir a la destrucción y al caos».

сборника – «Бог на земле»⁶ и «Какова же тьма?»⁷, – образующих рамку [Ruffinelli, 1977, p. 63], поскольку действие в них отнесено ко времени восстания так называемых «кристерос», войны между «федералами» (представителями нового революционного правительства) и духовенством. В период с 1926 по 1929 гг. по всей стране были прекращены богослужения, а церковники, боровшиеся не столько за религиозные, сколько за феодальные права, и вставшие на их защиту креолы предались разбою, жертвами которого пали как инакомыслящие, так и совершенно не причастные конфликту люди. Жестокость тех, кто выступал за свободу Христовой церкви, не знала никаких этических границ⁸.

В рассказе «Бог на земле» учителя, который провел к воде измученных жаждой солдат правительственного отряда, односельчане избивают под крики «¡Viva Cristo Rey!» («Да здравствует Христос Вседержитель!» – боевой клич кристерос), а затем сажают на кол: «Издали учитель на колу казался огородным пугалом: он колыхался, будто на ветру, а ветер и в самом деле поднялся и донес до людей глубокий, циклопический голос, голос Бога, сошедшего на землю» [Revueltas, 2006, p. 16; Мексиканские рассказы, 1982, с. 104]⁹. Заключительная фраза рассказа представляет большую трудность для перевода, поскольку действие Бога грамматически отнесено к «предпрошедшему» времени: «...el viento que ya corría, llevando la voz profunda, ciclópica, de Dios, que había pasado por la tierra». Многомерность хронотопа¹⁰ не позволяет однозначно ответить на вопрос, в чем сказалось присутствие Бога на земле, идет ли речь о временах первотворения, о событии Боговоплощения или же о совершенной

⁶ Первая публикация – в журнале «Тьерра нуэва» (Tierra Nueva), Т.2, №7-8, январь-апрель 1941 г.

⁷ Первая публикация – в журнале «Эстампа» (Estampa), Т. VI, №271, 16 августа 1944 г. На рукописном оригинале стоит подпись: «Мехико, 27 июля 1944 г.».

⁸ «19 апреля 1927 года вся Мексика была потрясена невиданной даже для только что пережившей гражданскую войну страны жестокостью кристерос. В этот день отряд мятежников под руководством священника Хосе Рейеса Веги совершил нападение на поезд, перевозивший помимо пассажиров крупную сумму денег. В перестрелке с армейским конвоем погиб брат Веги. В ответ на это «святой отец» приказал сжечь всех пассажиров живьем прямо в вагонах. Погиб 51 человек, в том числе много детей» [Платошкин, 2011].

⁹ Здесь и далее, цитируя рассказ «Бог на земле», мы опирались на перевод В. Федорова, исправляя неточности. Данный рассказ – единственный текст Ревуэльтаса переведенный на русский язык.

¹⁰ Подполье как хронотоп также многомерно: это пространство внутреннее и внешнее, предельно замкнутое и разомкнутое, это земная жизнь одного человека на всем ее протяжении и сорок лет этой жизни.

во имя Него казни, травестирующей распятие. Эта неоднозначность задается с первого же абзаца:

Селение было замуровано глыбами ненависти. <...> Небывалое упорство [empresenamiento], рожденное непостижимыми, необъятными сущностями, ведущими происхождение от... откуда? Из Библии, из глубины Бытия, из тьмы, предшествовавшей свету. Двигаются горы, громады материков перемещаются на миллиметр в столетие. Но это – неколебимо, эта ненависть – от самого глубокого, самого древнего варварства. Такова ненависть Бога. Сам Бог зажал в кулак жизнь, яростно сдавил землю своими толстыми пальцами, своими чудовищными пальцами–корнями. <...> Так было везде и повсюду, поскольку Он, в силу древнего безумного проклятия, вездесущ <...> Бог скопился в утробе людей так, как может скопиться только кровь, и теперь выходил наружу криками, медленной, осторожной, размеренной жестокостью [Revueltas, 2006, p. 11; Мексиканские рассказы, 1982, с. 98].

Так, на пространстве одного безымянного селения интегрируются ветхозаветное и современное измерения истории, Мексика и весь земной шар. При этом Бог неизменно являет себя либо звуком – голосом или криком –, либо его отсутствием – молчанием, враждебной, «зловещей тишиной» [Revueltas, 2006, p. 11; Мексиканские рассказы, 1982, с. 99] –, что обращает нас к проблематике, выявленной Шестовым в повести Достоевского. Как и у Шестова, мотив «голоса» в рассказе оказывается связан с мотивом зрения, лексикализуясь в словосочетании «циклопический голос», эпитет в котором реализует не только переносное («исполинский», «гигантский», а также, в силу важности образа камня в тексте, «циклопический» в смысле особого типа кладки), но и буквальное значение, поскольку Бог видится Ревуэльтасу циклопом именно в тот момент, когда на передний план повествования выходят кристерос, и вершится суд над предателем:

Плотная масса людей, издалека – белая, вблизи – безобразная, грубая, стояла там, неотступная [porfiada], как проклятье. «Христос Вседержитель!» То снова был Бог, яростно сжимавший в тисках своих рук землю. Бог живой и рассерженный, Бог разгневанный, слепой, как Сам Господь, каким может быть только Бог, ибо когда

Он нисходит на землю, во лбу у него – лишь один глаз, и не для того, чтобы видеть, но чтобы метать молнии, жечь, карать, одолевать [Revueltas, 2006, p. 15; Мексиканские рассказы, 1982, с. 103].

Оставляя человеку «еще два глаза из бесчисленных собственных глаз» [Шестов, 1993, с. 27; Chestov, 1938, p. 12], ангел смерти наделяет его способностью разрушительной и вместе с тем созидательной: свое «сверх-видение» герой подполья делает предметом пространной «исповеди». Если у Бога лишь один глаз, да и тот слепой, что может дать Он человеку? Безмерную жестокость, «сухую ненависть», выражаемую отрывочными выкриками, механически повторяемой формулой, славящей Христа:

Откуда этот кошмар? Что его породило? Надо думать, люди познали что-то непостижимое, и это что-то воспламенило их головы, и сделались они чудовищными огненными шарами, в самую сердцевину которых вонзилось упорство [empresinamiento]. Отказать. Отказать во что бы то ни стало, пусть хоть мир рушится, пусть Вселенная замрет, пусть планеты и звезды остановят свой бег – отказать [Revueltas, 2006, p. 12; Мексиканские рассказы, 1982, с. 99].

Кристерос одержимы мыслью о Боге: познав Его, они усвоили неумолимый «Грозный Закон [Ley Terrible], который не щадит ни двадцатое колено, ни сотое, ни весь род людской» [Revueltas, 2006, p. 16; Мексиканские рассказы, 1982, с. 103] – неизбывную жажду¹¹ «мести» («Он не прощает. Он поклялся отомстить. Он поклялся не давать ни секунды покоя»), или же, говоря словами эпитафии, принцип «разрушения и хаоса», исполняя который, кристерос доходят до самоотрицания. Глагол «negarse» используется как для выражения отказа совершать конкретное действие (по сюжету рассказа – открывать дверь федералам, давать им еду и воду), так и без дополнения, и в этом случае отрицание обращается на сам субъект, словно инвертируя эгоистическую формулу «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить?». Человеческое отрицание принимает космический масштаб, мерой же божественного запрета становится

¹¹ Бог отказывает в воде не только федералам: защищаемая Им многовековая церковь также «обезвожена» («su gran iglesia sin agua»), а значит – мертва («Вода! Прозрачная жидкость, из которой сотворен мир. Вода! Сама жизнь») [Revueltas, 2006, p. 16; Мексиканские рассказы, 1982, с. 104].

человек: «На севере и на юге, Он изобретает стороны света, чтобы быть там, чтобы что-то запретить [pegar], чтобы воспрепятствовать чему-либо всеми силами, питающими человека из непроглядной тьмы веков, из абсолютной слепоты его истории» [Revueltas, 2006, p. 11-12; Мексиканские рассказы, 1982, с. 99]. Обнаруживая земную природу Бога, Ревуэльтас уравнивает его в правах с человеком.

Откажись от «всемства» – «будешь либо зверем, либо богом» [Шестов, 1993, с. 37; Chestov, 1938, p. 27-28]. Между этими двумя полюсами и колеблются кристерос. С одной стороны, их руками действует Бог: «Если не Он, то кто же? Кто еще, если не эта бесформенная, неизмеримая сущность без начала и конца, кто еще мог бы так запечатать двери домов?» [Revueltas, 2006, p. 11; Мексиканские рассказы, 1982, с. 98-99]. В то же время боевой клич их звучит как «вой затравленного волка, зверя [fiera], мятущегося в яростной тоске» [Revueltas, 2006, p. 13; Мексиканские рассказы, 1982, с. 100], а в момент расправы «почернели их лица и стали, как у жестоких зверей [animales]» [Revueltas, 2006, p. 16; Мексиканские рассказы, 1982, с. 104]. Иррациональные порывы, проводником которых является «голос», также амбивалентны, они – от Бога и против Бога, их слышат как кристерос, так и федералы, заглушающие в себе Бога, как телесную потребность: «Но что-то нечеловеческое, призрачное все время зовет неведомыми голосами, не давая остановиться. Вперед! И отряд идет быстрее, вопреки разуму, наперекор Богу. Наперекор Богу, обратившемуся в жажду. Наперекор Богу. Вездесущему! Он там, среди раскаленных кактусов, он адским пламенем гложет внутренности, чтобы люди помнили о нем – ныне и во веки веков» [Revueltas, 2006, p. 14; Мексиканские рассказы, 1982, с. 101]. Отсюда – колебания точки зрения в тексте, неопределенность субъекта ненависти.

Как Бог ненавидит людей (врагов церкви – федералов), так и люди в своей ненависти друг к другу уподобляются Богу. Расправа над учителем-предателем совершается во имя Христа Вседержителя, и в этом акте насилия, подрывающем нравственные основы Его церкви, парадоксальным образом сказывается присутствие Бога, которого человек принял в себя через плоть и кровь Христа. Циркуляция этой крови есть не вечное искупление, но «emprescinamiento» – «упорство», «непреклонность», «непримиримость», «каприз», право предпочесть благоденствию страдание, которого подпольный человек требовал для себя в том самом абзаце повести, откуда был

взят эпитафия. И Ревуэльтас словно дает этому капризу искомую «гарантию»: «Все безумие и упрямство мира – во имя Бога» [Revueltas, 2006, p. 11; Мексиканские рассказы, 1982, с. 99]. Но и эта гарантия относительна, так как, по логике Шестова: «Бога доказывать, искать Его в “истории” нельзя. Бог – воплощенный “каприз”, отвергающий все гарантии. Он вне истории, как и все то, что люди считали своим τὸ τίμιότατον [самым важным]» [Шестов, 1993, с. 97; Chestov, 1938, p. 121].

Подводя итог, можно сказать, что исходящий от земли и тела (обреченного обратиться в прах) «голос Бога» есть «не свой голос» подпольного человека, которым становится каждый смертный, а вся «земля» – «подполье» (таким образом, актуализируется теллурический компонент концепта) в том смысле, в каком его понимал Шестов, то есть область, соотносимая с платоновской пещерой. Если у Достоевского «подполье» – метафора исключительного напряжения духовных сил, выводящего героя за черту обыкновенной жизни, ситуация усиленно сознающего, прозревающего человека, у Шестова «подполье» служит обозначением духовной слепоты, пространства, в котором пребывают «все» [Шестов, 1993, с. 36; Chestov, 1938, p. 23].

Именно эти значения получают развитие в последнем рассказе сборника – «Какова же тьма?» (¿Cuánta será la oscuridad?), заглавие которого является цитатой из Нагорной проповеди: «Если же око твое будет худо, то все тело твое будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма» (Мф. 6:23). Небольшая группа протестантов, каждый из которых стал жертвой религиозного фанатизма, скрывается на склоне холма от кристерос. И снова в центре внимания Ревуэльтаса фигура «учителя» – пастора, который, казалось бы, пострадал меньше всех: протестанты всего лишь срывают с него очки. Однако потеря физического зрения переживается пастором как утрата веры, зрения духовного. Отныне его окружают лишённые человеческого подобия пятна (*manchas casi deshumanizadas*) [Revueltas, 2006, p. 165], вокруг которых разверзлась бесконечная пустота, заполняемая лишь плачем истерзанной во имя католического Бога девочки, познавшей уже в младенчестве «всю боль мира» и ставшей «живым свидетельством той жестокости, которая обитает в каждом углу» (*la impiedad que habita en cada uno de los rincones*) [Revueltas, 2006, p. 167]. Заметим, что «угол» выступает в повести Достоевского эквивалентом «подполья» во внешнем пространстве

[Касаткина, 2019, с. 163-166]. Итак, снова каждый смертный оказывается в положении «подпольного», но только Ревуэльтас лишает своих героев надежды на «второе видение»: встреча со смертью «иссушила» глаза пастора, в конце рассказа он окончательно слепнет¹². Замыкая «Бога» в пространстве «земли», Ревуэльтас доводит ситуацию «подполья» до крайней точки безысходности, где возможны только «страдание», «разрушение» и «хаос».

Список литературы

1. Достоевский, 1972–1990 – *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
2. Касаткина, 2019 – *Касаткина Т.А.* Достоевский как философ и богослов: художественный способ высказывания. М.: Водолей, 2019. 336 с.
3. Мексиканские рассказы, 1982 – Мексиканские рассказы / Сост. В.Н. Кутейщикова. Л.: Художественная литература, 1982. 352 с.
4. Платошкин, 2011 – *Платошкин Н.Н.* История Мексиканской революции. Выбор пути. 1917–1928 гг. Т.2. М.: Русский Фонд Содействия Образования и Науке, 2011. 449 с.
5. Шестов, 1993 – *Шестов Л.* Сочинения в 2-х томах. Т.2. М.: Наука, 1993. 559 с.
6. Cartas, 1937 – *Cartas de Dostoievsky a su mujer. 1866–1874* / Trad. de N.S. Palencia. Precedida de un estudio de Ana Grigorievna, segunda mujer de Dostoievsky, por Mario Verdaguer. Barcelona: Editorial Apolo, 1937. 231 p.
7. Chestov, 1923 – *Chestov L.* Les Révélations de la mort: Dostoïevsky et Tolstoï / Préface et trad. de Boris de Schloezer. P.: Plon, 1923. 230 p.
8. Chestov, 1938 – *Chestov L.* Las revelaciones de la muerte. Buenos Aires: Sur, 1938. 203 p.
9. Dostoyevski, 1953 – *Dostoyevski F.M.* Obras completas I (1844–1865) / Traducción directa del ruso, introducción, prólogos, notas y censo de personajes por Rafael Cansinos Asséns. 5ª ed. Madrid: Aguilar, 1953. 1570 p.
10. Paz, 2006 – *Paz O.* Obras completas. T.4. Generaciones y semblanzas: Dominio mexicano. México: Fondo de Cultura Económica; Círculo de lectores, 2006. 429 p.
11. Quintero Álvarez, 1981 – *Quintero Álvarez A.* El poeta León Chestov // Taller (1938–1941). Vol 1. I–VI (diciembre de 1938 – diciembre de 1939). México: Fondo de Cultura Económica, 1981. P.227-229.
12. Revueltas, 2006 – *Revueltas J.* Dios en la tierra. México: Ediciones Era, 2006. 176 p.
13. Revueltas, 1986 – *Revueltas J.* Obras completas. T.24. Visión del Paricutín (y otras crónicas y reseñas). México: Ediciones Era, 1986. 316 p.
14. Ruffinelli, 1977 – *Ruffinelli J.* José Revueltas: ficción, política y verdad. Xalapa: Universidad Veracruzana, 1977. 142 p.

¹² «...en fin de cuentas no era otra cosa que una humana criatura, con el cuerpo vencido y con los ojos sin siquiera mirar bien, ni siquiera mirar bien las cosas del espíritu porque estaban llenos del asombro de la vida y de la muerte y por ello secos en definitiva» – «...в конечном счете он был всего лишь человеком, тело его было сломлено, а зрение ослабло, ослабло настолько, что он не мог разглядеть даже духовных материй, ибо глаза его исполнились изумления перед жизнью и смертью, а потому – совершенно иссохли» [Revueltas, 2006, p. 165].

15. Torre 1971, – Torre G. de. *Historia de las literaturas de vanguardia*. T.III. Madrid: Ediciones Guadarrama, 1971. 297 p.

References

1. Dostoevskii F.M. *Poln. sobr. soch.: v 30 t.* [Complete works: in 30 vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
2. Kasatkina T.A. *Dostoevskii kak filosof i bogoslov: khudozhestvennyi sposob vyskazyvaniia* [Dostoevsky Philosopher and Theologian: The Artistic Method of Expression]. Moscow, Vodolei Publ., 2019. 336 p. (In Russ.)
3. *Meksikanskii rasskazy*, ed. by V.N. Kuteishchikova. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1982. 352 p. (In Russ.)
4. Platoshkin N.N. *Istoriia Meksikanskoi revoliutsii. Vybor puti. 1917–1928 gg.* [The History of the Mexican Revolution. Choosing the Way. 1917–1928]. Vol.2. Moscow, Russkii Fond Sodeistviia Obrazovaniia i Nauke Publ., 2011. 449 p. (In Russ.)
5. Shestov L. *Sochineniia v 2-kh tomakh* [Works in 2 vols.]. Vol.2. Moscow, Nauka Publ., 1993. 559 p. (In Russ.)
6. *Cartas de Dostoevsky a su mujer. 1866–1874*, trad. de N.S. Palencia. Precedida de un estudio de Ana Grigorievna, segunda mujer de Dostoevsky, por Mario Verdaguer. Barcelona, Editorial Apolo, 1937. 231 p. (In Spanish)
7. Chestov L. *Les Révélations de la mort: Dostoïevsky et Tolstoï*, préface et trad. de Boris de Schloezer. Paris, Plon, 1923. 230 p. (In French)
8. Chestov L. *Las revelaciones de la muerte*. Buenos Aires, Sur, 1938. 203 p. (In Spanish)
9. Dostoyevski F.M. *Obras completas I (1844–1865)*, traducción directa del ruso, introducción, prólogos, notas y censo de personajes por Rafael Cansinos Asséns. 5ª ed. Madrid, Aguilar, 1953. 1570 p. (In Spanish)
10. Paz O. *Obras completas. T.4. Generaciones y semblanzas: Dominio mexicano*. México, Fondo de Cultura Económica; Círculo de lectores, 2006. 429 p. (In Spanish)
11. Quintero Álvarez A. El poeta León Chestov. *Taller (1938–1941)*. Vol 1. I–VI (diciembre de 1938 – diciembre de 1939). México, Fondo de Cultura Económica, 1981, pp.227-229. (In Spanish)
12. Revueltas J. *Dios en la tierra*. México, Ediciones Era, 2006. 176 p. (In Spanish)
13. Revueltas J. *Obras completas. T.24. Visión del Paricutín (y otras crónicas y reseñas)*. México, Ediciones Era, 1986. 316 p. (In Spanish)
14. Ruffinelli J. *José Revueltas: ficción, política y verdad*. Xalapa, Universidad Veracruzana, 1977. 142 p. (In Spanish)
15. Torre G. de. *Historia de las literaturas de vanguardia*. T.III. Madrid, Ediciones Guadarrama, 1971. 297 p. (In Spanish)